

Каждое утро и каждый вечер Советское Информбюро сообщало о положении на фронтах Великой Отечественной войны. А положение это было очень тяжёлым: нанося врагу огромные потери, наши части отходили с боями на восток по выжженной и окровавленной земле.

Против оборонявших Москву советских войск Гитлер бросил миллионную армию. Он считал, что с ходу, как ураганным ветром, сметёт нашу оборону и захватит Москву. Потому и название этой операции Гитлер дал «Тайфун».

Ураган «Тайфун» нёсся с запада на восток, но с самых первых километров его останавливало яростное сопротивление советских людей – и в Брестской крепости, и под Смоленском, и под Ельней и, наконец, на ближних подступах к Москве.

Нет, не смог «Тайфун», как хотелось Гитлеру, смести всё на своём пути и ворваться в Москву. Хотя врагам легче было воевать в первые месяцы после того, как они коварно напали на нас. И дело было не только в их численности, но и в том, что фашисты «с ходу» вступили с нами в бой. Перед этим гитлеровские войска прошли по всей Европе, и военная машина фашистов была, как говорится, на полном ходу. Ведь в вагоне, который вёз Матвея Ратикова на фронт, он был обучен и подготовлен к войне лучше других. А были в эшелоне и такие, что не знали, как надо вести себя во время бомбёжки, как надо окапываться, маскироваться на местности, и многое другое было им неведомо в трудной и опасной науке войны.

Ратиков учил их даже такому, казалось бы, простому: как прикуривать. Он говорил:

– Третий не прикуривает.

– Почему? – спросил его молодой боец.

– Простое дело. Темнота. Тишина. А где-то смотрит во все глаза фрицевский снайпер. Ты чиркнул спичкой – он насторожился. Второй огонёк вспыхнул – пусть маленький, – фриц взял на мушку. А третий огонёк блеснул – он уже готов к выстрелу. И бахнул. Понял?

Может быть, Ратиков шутил, но и в шутке этой был свой смысл. Молодые бойцы понимали, что на фронте всё не так-то просто. Держи ухо востро будь начеку.

Эшелон, в котором был Матвей Тимофеевич, не сразу отправили на фронт. Когда оглушённые и засыпанные землёй Ратиков и красноармейцы военного эшелона услышали стихающий гул уходящих самолётов, раздалась команда:

– От-бой!..

И вслед за этим:

– Становись!.. Шагом арш!

Теперь красноармейцы шли не к железнодорожным путям, где стоял пустой эшелон, а от него, в глубь леса, где были замаскированы ветками подземные казармы учебного батальона...

Наутро для необстрелянных бойцов, испытавших накануне первую в жизни бомбёжку, началась военная наука.

Трудно было предположить, что вчера вечером в нескольких километрах от этого тихого и такого по-осеннему великолепного леса вздыбливалась земля, обрушиваясь на бойцов лавиной грязи, комьев, веток и камней. Теперь же солнечные лучи просвечивали сквозь кружевную листву дубняка, ложась светлыми пятнами на гимнастёрки; птицы пели и подсвистывали как-то особенно, а может быть, так казалось потому, что люди знали: где-то рядом война – кровь, грохот, смерть, а вот здесь – пение птиц...

Первое задание командир отделения Ратиков дал красноармейцу Комару. Фамилия этого парня досталась ему как бы в насмешку. Толя Комар возвышался на две головы над своим командиром. У него был большой, всегда чуть приоткрытый рот, толстые губы и удивлённо выпуклые зелёные глаза.

– Ну, что уставился на меня? – улыбаясь, спросил Комара Ратиков. – Подтянись... Так. И гимнастёрку заправь. Хорошо. Будешь боец-молодец. Во как подобрался!..

Теперь и Комар улыбался. Матвей Тимофеевич знал нехитрый секрет воспитания. Не обязательно, уча человека, всё время только приказывать и выговаривать. Надо и похвалить и ободрить. Это часто даёт куда больше, чем окрик или наказание.

– Так вот, Комар, пулемёты противника там и там, – указал рукой Ратиков. – Нужно перебежать к железнодорожной ветке – она, считай, там, где повалены те две берёзы. Так, вот, значит, нужно исправить повреждение и живым вернуться обратно. Во как! Понятно?

– Не.

– Что не понятно?

– Чего там в берёзах исправлять?

– Ты, Комар, должен подбежать, подкопать первый ствол берёзы видишь, где ямка?..

– Вижу.

– Подлезть под берёзу, обогнуть её и прибежать обратно. Это и будет считаться «исправить повреждение».

– Понятно! – радостно воскликнул Комар. – Бегу.

– погоди. Ты должен помнить, что враг обстреливает железнодорожную ветку. Если не исправить повреждение, пойдёт под откос наш эшелон погибнут люди. Но исправить надо так, чтобы наших людей спасти и самому остаться в живых. Во как! Теперь исполняй.

– Понятно! Исправить и остаться живым.

Комар побежал. Он нёсся что было сил, будто какой-то злой волшебник мчался за ним по пятам: канава преградила путь – перепрыгнул, холмик перескочил.

Ратиков стоял перед строем. Он говорил:

– Смотрите внимательно! Разговоры отставить!

И все смотрели туда, где Комар, распластавшись на земле, подкапывал белый, в чёрных полосках ствол дерева. Как брызги воды, во все стороны летела рыхлая земля, а бойца и видно не было: защитная гимнастёрка сливалась с местностью. Но вот голова Комара показалась по ту сторону бревна. Он на мгновение выпрямился, тут же пригнулся и стремительными перебежками, то пряча голову в плечи, то плашмя падая и переползая по-пластунски, стал приближаться. Уже видны были его мокрые красные щёки, открытый рот, выпученные глаза. Одной рукой он прижимал лопатку к бедру, а другой держал винтовку.

Вытянувшись, как положено перед командиром, Комар доложил:

– Ваше приказание выполнено – повреждение исправлено.

– Нет, – сказал Ратиков, – приказание не выполнено. Было приказано вернуться живым. А тебя по дороге к берёзам и там, когда ты стал во весь рост, пять раз убили. Задание повторить!

Тяжёлым был этот день и для бойцов, и для младшего командира Ратикова.

ВЗРЫВ МОСТА

Тяжелее становилось с каждым днём. Ведь война торопила: скорее на передовую. Про себя Ратиков часто повторял поговорку: «Всё, что можешь назвать своим, лежит в твоём сегодня». А вспоминал он к тому, что знал: обучил сегодня бойцов маскироваться – хорошо. На завтра наметил другой урок, а будет ли этот урок, кто знает. Может, снимут отсюда и пошлют вперёд. Может быть, и снимать с места не придётся: враг сам сюда придёт.

Вот почему торопился Ратиков. Свою команду он обучал трудному и опасному делу минёров–подрывников.

Вскоре отряд минёров–подрывников снова услышал команду:

– Стройся! По ва-го-нам! Бегом марш!

Недолго постукивал на стыках воинский состав, а уже стали слышны, точно вздохи какого-то великана, голоса орудий.

Передовая была совсем рядом – за рекой.

Матвей Ратиков получил приказ заминировать и держать в постоянной готовности к взрыву мост через реку.

Не знаячи, можно подумать, что взрывать мосты просто. Заложил взрывчатку, поджёт – бах, и нет моста.

Однако это совсем не так.

Сначала сапёры–подрывники должны охранять мост – спасти его, чего бы это им ни стоило. Ведь по мосту движутся наши части. Их надо оберегать от фашистских «мессершмиттов» и

«хейнкелей», как от хищных ястребов, которые кружатся над ним и норовят угодить бомбой в мост. И в то же время надо было, сохранив мост, превратить его в огромное хранилище взрывчатки.

Минирование моста было не таким – то простым делом. В его устои и фермы были заложены ящики с толом, который напоминал бруски обыкновенного хозяйственного мыла. Подрывники протянули уже провод от моста к взрывной машинке. Уже залегли в укрытие старшина Ратиков и красноармеец Комар.

Матвей Ратиков знал: взрыв моста должен вывести из строя участок железной дороги, которой фашисты стремятся овладеть во что бы то ни стало. Если мост выйдет из строя, фашистам придётся продвигаться по крюку в двести километров. А не взорвать мост – они выйдут на прямую дорогу к Москве.

Вот какое значение имел этот взрыв.

Два дня надо было провести на мосту, который невозможно замаскировать, спрятать от вражеских самолётов.

Трудное это было время у Матвея Ратикова, да и у всего отряда минёров-подрывников. Особенно не терпелось Толе Комару. Он спрашивал Ратикова:

- Ну как там, скоро взрывать будем?
- Теперь скоро, – говорил Матвей Тимофеевич.
- Терпежу нет.
- Хорош сапёр без терпения! Помолчал бы, Толик...
- Молчу...

Но задавал вопросы Матвею Ратикову не только Комар. В один из двух последних дней жизни моста, когда его готовили к взрыву, командир сапёров-подрывников пришёл к Ратикову с немолодым военным, у которого из-под пилотки выбивались седые волосы.

«Странно, – подумал Матвей Тимофеевич, – на военного совсем не похож, и потом, чем-то он мне знаком. Когда, где я его видел?»

– Познакомьтесь, – сказал командир, – это товарищ из фронтовой газеты. Писатель.

Матвей Тимофеевич козырнул писателю и вопрошающе посмотрел на командира. Ратиков не мог взять в толк, что делать в таком опасном месте писателю, да ещё немолодому.

А писатель сказал:

- Мы с вами виделись на вокзале, когда вы прощались с семьёй. Я вас запомнил. У вас дочка такая краснощёкая и большеглазая. Верно?
- Точно, – подтвердил Ратиков. – Наташа.
- А теперь расскажите и покажите, как работают ваши сапёры. Я буду писать о них в нашей газете.

Матвей Тимофеевич снова вопрошающе посмотрел на своего командира, а тот только кивнул, что означало: «Выполняйте».

Что ж, Ратиков выполнил приказание и рассказал писателю о сапёрах. Рассказывал командир отделения сапёров толково, но не размазывая, – сжато, точно, коротко.

– Вы торопитесь? – спросил писатель.

– Да, – сказал Ратиков. – Может, это не гостеприимно, но я думаю, что вам, товарищ, лучше отсюда уйти поскорее. Тут у нас всяко может случиться. И в любую минуту. Это сейчас затишье, немецких самолётов нет, а пожалуй, можете не сомневаться.

Вскоре Матвей Тимофеевич, ответив на все вопросы писателя, дал ему провожатого в штаб полка. А тут как раз и началась бомбёжка.

Сапёры отделения Ратикова под хлопающие выстрелы зениток, под вой пикирующих самолётов врага кончали свою тяжёлую и опасную работу: под бомбёжкой таскали и закладывали в опоры моста тяжёлые ящики с толом.

И многим сапёрам в это время думалось: «Скорее бы приказ о взрыве».

И вот затарахтела маленькая, но шумная дрезина. К мосту прибыл командир сапёров-подрывников.

Ратиков отрапортовал:

- Мост к взрыву подготовлен!
- Заряды проверяли сами? – спросил командир.
- Сам.

– Знайте же, что, если выпадет хоть один заряд, вся система будет нарушена. Следите за шнуром.

– Есть следить за шнуром!

Орудия врага били уже по восточному берегу реки. Огневой шквал катился к самому мосту, и в небольшие перерывы, когда утихали пушки и миномёты, слышен был треск фашистских автоматов.

Гитлеровцы пробирались уже к самому мосту, над которым плавала в небе «рама», как наши бойцы прозвали фашистский самолёт–разведчик.

Ратиков приказал бойцам своей команды уйти в укрытие. Ведь пули уже долетали до этого берега реки. Сам Ратиков остался у подрывной машинки. Повернуть только ключик – и мост взлетит на воздух.

Комар высунул голову из блиндажа:

– Слышь, командир, теперь уж скоро?

– А ну скройся, чтоб я тебя не видел!

Комар замолчал, но остался рядом со своим командиром.

Ратиков ждал сигнальной ракеты. Но ему хотелось взорвать мост в тот самый момент, когда фашисты побегут с того берега, когда их будет как можно больше. Тут важно было не упустить время: счёт шёл на секунды – ни секундой раньше, ни секундой позже.

А вот и первая ракета, которая выпрыгнула из земли в тёмное небо, как светящийся мячик. Ракета эта приказала: «Приготовиться к взрыву!»

Ратиков стал на колени, проверил исправность проводки, которая шла к зарядам. Тока не было. Он не удивился: пули щёлкали по берегу и, видимо, перебили провод.

Значит, подрывная машинка ни к чему.

Ратиков закопал машинку в землю и подтянул к себе бикфордов шнур.

Гитлеровцы были уже на мосту. Тарахтели мотоциклы; подбадривая себя криками, бежали автоматчики.

И в это время вторая ракета приказала: «Взрывать!»

Ратиков чиркнул спичкой. Он видел, как гитлеровцы на мотоциклах подъезжали к мосту. Можно было разглядеть, что один из них офицер.

«Пусть въедут на настил», – решил Ратиков.

Спичка обожгла ему пальцы. Он бросил её, рванул коробку другой спичкой и поджёг бикфордов шнур.

Но взрыва не было.

У Комара от волнения высушило рот, холодок пробежал по спине, противно задрожало сердце и сразу же вспотели ладони.

– Что будем делать? – выкрикнул он каким–то не своим, сдавленным голосом.

Ратиков знал: такой неразорвавшийся заряд всё равно что притаившийся, невидимый зверь. Чёрт его знает, что он выкинет, если пойдёшь искать повреждение. Вдруг неизвестно откуда кинется на тебя. А это – смерть.

На учениях Ратиков всегда сам проверял неразорвавшиеся заряды. Когда отправлялся на проверку, приказывал бойцам не выходить из укрытия.

И тут он снова прикрикнул на Комара:

– Слышал приказ: сейчас же в укрытие! Исполняй!..

Бежала по кругу секундная стрелка на часах, приближались фашисты, а мост был цел. Ратиков понимал, что пулей перебило не только электропроводку взрывной машинки, но и бикфордов шнур.

«Как же быть? Как быть?»

Матвей Тимофеевич вскочил, побежал, упал, обожжённый пулей, опять вскочил, снова побежал.

Комар видел, как Ратиков бросился навстречу врагу с коробкой спичек в руке, без команды выбежал из укрытия и рванулся вперёд, вслед за своим раненым командиром. Комар не думал о том, что гитлеровцы с близкого расстояния поливают свинцом наш берег. Только в ушах, как от трещотки, слышалось: тр-р-р-р-р-рт!

В это время, ослепительно сверкнув, грохнул взрыв, и от моста покатались, обгоняя друг друга, клубы едкого жёлтого дыма.

Публикуется по: Ефетов М. Последний снаряд. – М., 1972.